

Это был маленький изящный флакон, сделанный из белого нефрита. Из длинного горлышка торчала деревянная пробка, обвязанная тонкой тёмно-красной нитью, и оставалось только гадать, каким образом Гун Ухуэю удалось раздобыть нечто подобное, находясь в императорской тюрьме.

Юн Шань пристально поглядел на флакон. В следующий миг у него внутри резко похолодело.

Во дворце Гун Ухуэй не занимал пост высокопоставленного чиновника, в отличие от Юн Шаня, сына императора. Согласно правилам Ян-ди, принцам не дозволяется вести личные знакомства с министрами и прочими придворными. Разумеется, Юн Шань слышал о его репутации, но правила лишили юношу всякой возможности поближе познакомиться с Гун Ухуэем, и уж тем более узнать его получше и собрать достоверную информацию.

Но сейчас, глядя на белый нефритовый флакон, юноша чётко осознавал, что в руках Гун Ухуэя далеко не простая безделушка.

Юн Шань пребывал в молчании, на что Гун Ухуэй снова вздохнул и затем он начал говорить:

— Вашему слуге не было и двадцати лет, когда он впервые переступил порог императорского дворца, однако он был крайне любопытен, такова его природа. Именно поэтому я с особым интересом читал древние документы министерства наказаний. Пока одна династия сменяла другую, я набирался опыта в заведомо ложных делах, где обвиняют невиновного. И сейчас я вижу и знаю многое. Больше, чем обычный придворный. Более того, Ваш слуга также знает, зачем Ваше Высочество приехал сюда, хоть Вы и не озвучили цели своего визита. Ваше Высочество немногословен, но Гун Ухуэй всё равно повинуется Вашему приказу.

Юн Шань с детства был достаточно жестоким и равнодушным, чем выделялся среди своих братьев. Но не стоит забывать, что ему только шестнадцать лет. От мысли, что он своими руками должен убить сидящего напротив секретаря царствующей династии, юноша ощутил, как его охватывает озноб.

Он долгое время стоял молча, не двигаясь, а после сказал несколько сухим голосом:

— Ты слишком мнителен, я совсем не желаю твоей смерти.

— Я понимаю. — Гун Ухуэй встретился взглядом с Юн Шанем, и неожиданно в глазах секретаря действительно отразилось некоторое понимание. Гун Ухуэй вздохнул в очередной раз и, более не добавляя «Ваш слуга», произнёс: — Наследный принц знает меня лишь со слов других, но я, тем не менее, хорошо изучил наследного принца. Ваше Высочество, внешне вы выглядите холодным человеком, но внутри Вас много тепла. От природы Вы решительны и жестоки, Вы ненавидите алчность и можете ясно отличить, где правда, а где ложь, притворство или искренность. Но прошу Вас, Ваше Высочество, послушайте меня. Если Вы приложите к этому делу свою руку, то у Вас не получится избежать ещё больших душевных ран. — Вытянув руку, мужчина жестом указал: — Прошу, присядьте.

Гун Ухуэй без страха относился к смерти. Мужчина вёл спокойную беседу, ещё и позволил себе высказать мнение о характере Юн Шаня. Каждое его слово будто было стрелой, которая каждый раз попадала прямо в цель. Это очень удивило Юн Шаня. Он присел, куда ему указали, и поглядел на сидящего напротив Гун Ухуэя. Тот, в свою очередь, смотрел на принца. Юн Шаня не отпускала мысль о том, что этот человек занимал официальный пост чиновника при дворе почти двадцать лет, но всё ещё оставался простым секретарём Его Величества. Это удивляло и заставляло задуматься. Почему отец-император игнорировал такого способного человека, который так хорошо разбирается в людях?

Гун Ухуэй заставил Юн Шаня удивиться, что случилось нечасто. Но это было лишь началом, самое интересное ещё впереди.

Как только юноша уселся напротив мужчины, Гун Ухуэй тотчас же продолжил изумлять его, говоря:

— Я хоть и простой секретарь, но ещё десять лет назад я получил от императора секретный указ, который сподвиг меня к тщательному изучению характеров всех сыновей Его Величества, поэтому я хорошо знаю не только Ваше Высочество, но и всех ваших братьев. Знаю как свои пять пальцев.

Хоть Юн Шань и не ожидал услышать подобное, сказанное казалось вполне разумным.

Иначе как Гун Ухуэй так хорошо изучил бы Юн Шаня, росшего во дворце императорских жён? Ведь подавляющее большинство придворных — это родственники императрицы или царствующего императора. Были и люди, которые не являлись родственниками, но тогда их обязательно объединяли общие интересы с императором. Если бы Ян-ди действительно захотел изучить своих сыновей, то он бы наверняка не рассматривал особо влиятельных подданных, вместо этого выбрав для задания какого-нибудь бескорыстного слугу престола, который был бы достаточно надёжным и заслуживающим его доверия, на мудрость и преданность которого можно было бы положиться.

— Зимой девятнадцатого года император тайно позвал меня во дворец, чтобы огласить своё желание: весной следующего года он намеревался провозгласить второго сына наследником престола. Я крайне удивился, услышав его слова, и осмелился выразить своё мнение по этому поводу, сказав, что это совершенно недопустимо. Подобное нахальство с моей стороны чуть не стоило мне жизни.

Юн Шань вздрогнул.

Гун Ухуэй сказал, что отец-император «намеревался провозгласить второго сына наследником престола». Сомнений не было в том, о ком шла речь: конечно же, о самом Юн Шане. Оказывается, отец-император с самого начала планировал сделать Юн Шаня единственным наследным принцем, но человек, находящийся прямо перед ним, рискуя своей жизнью, остановил Его Величество. Благодаря его смелости в двадцатом году наследник престола-таки был объявлен, но им оказался Юн Ци.

Неужели в глазах Гун Ухуэя Юн Ци выглядел достойным императором, способным унаследовать власть над страной и принести пользу всему народу?

Слегка улыбнувшись, Гун Ухуэй сказал:

— Несмотря на способности и навыки Его Высочества Юн Ци, у него всё же есть один большой недостаток — его здоровье. Он родился на свет очень слабым ребёнком. Его тело было худым и немощным, он часто болел, соответственно, это уже предполагало наличие некоторых проблем на его пути к наследованию престола. Разве можно доверить правление государством столь хрупкому созданию, которое будет обязано ежедневно вести бесчисленное множество важных дел, занимая трон?

Слова, что произносил этот человек, будучи в заключении в императорской тюрьме, были крайне правдивы и пронизательны. Это глубоко поражало Юн Шаня, как и то, с каким спокойствием разговаривал заключённый. Юн Шань с огромным вниманием слушал каждое слово, но всё равно пребывал в недоумении. Сведя брови к переносице, юноша начал детально прокручивать всю беседу от начала и до конца. Однако, чем больше он думал об этом, тем больше его сердце разрывала нестерпимая боль. На душе стало совсем скверно. Вмиг его взгляд переменился: стал заметен тот самый зловещий блеск, характерный наследному принцу, с которым юноша уверенно поглядел на Гун Ухуэя.

Но Гун Ухуэй лишь рассмеялся, как будто такая реакция его больше веселила, чем пугала:

— Ваше Высочество действительно очень сообразителен, я не ошибся в своих предположениях.

После чего продолжил уверенным тоном:

— Мои взгляды вполне совпадали со взглядами императора. Из всех сыновей Его Величества лишь второй сын был наиболее подходящей кандидатурой для звания наследного принца. Однако с древних времён соблюдались строгие отношения между поколениями. Если бы Его Величество провозгласил наследником престола не старшего сына, а второго, это вызвало бы бурю негодования и ненависти со стороны как народа, так и придворных. К тому же, поставив младшего сына выше, чем старшего, император навёл бы смуты, которая в худшем случае могла привести и к войне. Понимая, что за этим всем последует, я посоветовал Его Величеству для начала провозгласить Юн Ци наследником престола, а потом свергнуть его.

Внезапно в крохотной комнатке императорской тюрьмы воцарилась тишина. Даже звуки дыхания затерялись в этом звенящем, давящем безмолвии.

Казалось, словно невидимая тетива, которая вдруг натянулась до упора, была отпущена, и вслед за ней обрушилось небо и раскололась земля.

Всего несколько слов, легко сорвавшихся с губ Гун Ухуэя, были словно тысяча футов извести, внезапно упавших в воду, которые подняли чудовищную волну в душе Юн Шаня.

Он уже ничего не понимал.

Отец-император мудрый человек, так почему же он не взвалил это бремя на других? Нет, он, наоборот, вынудил такого хрупкого и спокойного, словно мыш, человека, как Юн Ци, взвалить на себя эту тяжкую ношу. Когда Юн Ци был провозглашён наследником престола, отец-император, стоило лишь министрам упомянуть о становлении наложницы Ли императрицей, сразу же приходил в ярость. Он не только отказался от Юн Ци и заключил под арест наложницу Ли, но и приказал уничтожить чиновников, которые были связаны с ними обоими. Унизительное уничтожение, заключение под стражу — всё это было на удивление быстро принято к немедленному и неуклонному исполнению. В тот момент ни у кого рука даже не дрогнула.

Как Юн Ци, у которого была просто заячья душа и который любил стихи, живопись, смотреть на зимнюю сливу, наслаждаясь её цветением, мог вступить в сговор с министрами? Как он мог создать фракцию? Как он мог устроить заговор с кем-то через письма?

Изначально этот слабый, изысканный и спокойный юноша, который всё своё детство и юность прожил во дворце, в истёкшем году был провозглашён наследником престола, после чего рядом с ним стали крутиться министры, словно звёзды вокруг луны. Все они своим подхалимством словно вскружили ему голову, однако внезапно он понёс суровое наказание. Его свергли с трона и, не дав встретиться с матерью, в тот же день под стражей доставили в Наньлинь, где он под надзором должен был учиться.

Сейчас это всё оказалось лишь одним большим предлогом!

К тому же, то упорство, которое помогло Юн Шаню естественным образом стать наследником престола, сейчас оказалось умышленно спланированной «ширмой». Прикрытием.

А он, когда Юн Ци попал во Дворец Наказаний, отнёсся к брату...

Чем больше Юн Шань задумывался, тем сильнее его терзала боль. В конце концов его лицо изменилось. Юноша молчал, прикусив нижнюю губу, а его взгляд остановился на маленьком белом нефритовом флакончике. Мысли внезапно приостановились: «В конечном счёте убивать этого Гун Ухуэя или всё же не убивать?».

Убить? Этот человек является одним из государственных чиновников, преданным государю сановником, предвидящим события и очень умным, сильным, верным до смерти. К тому же то, что сейчас Юн Шань взошёл на престол, — это полностью его заслуга.

Не убивать? Тогда что же будет с Юн Ци и Юн Линем? Пятый принц Юн Шэн так просто это не оставит. Он пойдёт на отчаянный шаг: если он предаст огласке письмо, то Юн Ци обвинят в серьёзном преступлении, от которого он не сможет спастись, и его вновь отправят во Дворец Наказаний. И это неизбежно.

Что же касается Юн Линя, то он младший брат-близнец самого наследного принца. И даже если титул его старшего брата позволит ему избежать наказания, то отец-император ни за что не позволит ему снова вмешиваться в дела Дворца Наказаний. В крайнем случае... Если в крайнем случае отец-император издаст указ, позволив Юн Шэну, у которого под контролем Дворец Наказаний, схватить Юн Ци, и тогда, попав в руки к этому подлому и постылому негодяю, разве не приведёт это к...

Договорив, Гун Ухуэй мутным и тусклым взглядом, который стал таким из-за того, что мужчина постоянно читал при свечах, поглядел на Юн Шаня.

После недолгого молчания у хорошо понимающего чужие мысли вассала, который сейчас был заточён в темницу, на губах появилась лёгкая улыбка:

— Ваше Высочество, Вы знаете, зачем я рассказал этот секрет?

Юн Шань поднял взгляд и прямо поглядел на мужчину.

— Ваше Высочество, Вы должны себя беречь. Видите ли, многие люди, живущие во дворце, надёжные, они до последнего будут хранить Вам верность и, истратив полностью свои душевные силы, они ради Вас без сожаления пожертвуют жизнью. Легко ли сохранить наследного принца, позволив Вам в будущем стать хорошим императором для всего народа? Нет, это слишком сложно, — сказал Гун Ухуэй, продолжая: — Император ради Вас, Ваше Высочество, не пожалел Его Высочества Юн Ци и пустил его в расход, сначала провозгласив наследным принцем, а затем свергнув. Отец и сын единокоронны, Его Высочество Юн Ци как никак тоже является сыном императора. Думаете, у императора сердце не болело, когда он поступал таким образом? Это была... вынужденная мера для Его Величества. Что же касается меня...

Гун Ухуэй замолк, делая паузу, а сердце Юн Шаня внезапно подпрыгнуло и бешено забилося в груди.

Внимательно поглядев на Юн Шаня, Гун Ухуэй тихо со вздохом проговорил:

— Ради Вашего Высочества император готов отказаться от собственных детей, так неужели я пожалею свою жизнь ради Вас? Невзирая на те угрозы Вашему Высочеству от пятого младшего принца, я умру, позволив Вашему Высочеству пережить самый трудный момент в его жизни. Министр должен выполнить свой долг и умрёт ни о чём не сожалея. — Договорив, мужчина вытянул руку.

Юн Шань подумал, что мужчина хочет взять этот белый нефритовый флакон и, не вдаваясь в размышления, внезапно вытянул руку. Его ладонь моментально легла на флакон, сам же Юн Шань был очень серьёзен.

Гун Ухуэй слегка испугался, но, поглядев на Юн Шаня, всё понял:

— Ваше Высочество, не беспокойтесь, ещё не время. Сегодня Ваше Высочество лично навещил заключённого, и если после нашей встречи я умру, то разве это не станет поводом для козней против Вашего Высочества? Гун Ухуэй не совершит подобную глупость. — Сказав это, мужчина вновь невольно вздохнул.

Он на протяжении десяти лет по высочайшему указу тайно изучал характер всех сынов императора. За это время он не обращал внимания ни на одного из принцев, отдавая большее предпочтение лишь второму сыну императора. Подавленность и депрессия постоянно прячущегося в стенах дворца Юн Шаня, его преклонение перед Юн Ци, его обида и злость на странное отношение матери — всё это не прошло мимо глаз Гун Ухуэя. За прошедшие десять лет мужчина часто испытывал чувство некой заботы и любви к Юн Шаню, как к собственному ребёнку.

Проявление подобных чувств, конечно же, являлось оскорблением по отношению к Его Императорскому Высочеству наследному принцу. Только...

Гун Ухуэй внимательно смотрел на мальчика перед собой. Хоть Юн Шаню и было уже шестнадцать лет, но не было преувеличением сказать, что он всё ещё являлся ребёнком. С большим трудом ему удалось помочь Юн Шаню взойти на престол, а дальнейший путь ему придётся пройти одному. К тому же с каждым шагом ему будет всё труднее и опаснее идти.

Правящий император в те же годы тоже проделал нелёгкий путь, чтобы стать тем, кем он являлся сейчас?

— Впервые мне выпал шанс побеседовать с Вашим Высочеством, и я крайне счастлив. Позвольте мне преподнести подарок Вашему Высочеству.

Гун Ухуэй развернул на столике белую бумагу, взял кисть, обмакнул в тушь и, после недолгого раздумья, принялся быстро писать, словно ветер.

Вассал, которого обвинили в клевете и заключили в императорскую тюрьму, услышав гнев императора, был сильно напуган.

Он лишь просит, настойчиво умоляя Его Высочество, который лично приехал к нему, прислушаться к словам преданного императорского министра Гун Ухуэя и быть сострадательным и благосклонным. Преданный министр снова и снова прокручивает в голове эти мысли, бесконечно проливая слёзы.

Он захотел сейчас же составить этот документ, надеясь, что Его Высочество сохранит его и, следуя наставлениям Гун Ухуэя, исправит ошибки.

Лишь доброе слово будет благословлено Небесами.

Кисть порхала, словно ветер.

Вскоре бумага пропиталась тушью. Несколько строчек, что появились на белом листе, были написаны поспешным, но довольно красивым почерком.

Закончив писать, Гун Ухуэй взял бумагу и, сложив губу трубочкой, подул на неё. Как только тушь высохла, мужчина вручил письмо Юн Шаню:

— Прошу Ваше Высочество сохранить это у себя.

Взгляд тёмных, словно обсидиан, глаз упал на письмо. С минуту посмотрев на бумагу, Юн Шань протянул руку и взял её. Поднявшись на ноги, юноша взял со столика белый нефритовый флакон и, спрятав его за пазухой, проговорил:

— Смерть — это далеко не единственно верный выход. Позвольте мне ещё раз всё как следует обдумать, и только потом скажу решение, которое в итоге удовлетворит обе стороны.

Увидев, что Юн Шань покинул тюремную камеру, Лао Ча и его люди, что всё это время ждали снаружи и у которых уже спины болели от долгого пребывания на ногах, облегчённо вздохнули и поспешили подойти к Его Высочеству.

На улице в разгар зимы сияло по-весеннему яркое солнце, озаряя собою небосвод. Серебристые лучи падали на землю, тревожа теплом белый и пушистый снег. Покинув тёмную и холодную императорскую тюрьму, Юн Шань оказался объят тёплыми лучами солнца, однако, несмотря на это, тело юноши внезапно охватила мелкая дрожь.

Слегка прищурив глаза, юноша поднял лицо к небу и, мельком взглянув на торжествующее там солнце, протяжно вздохнул:

— Сходи и скажи слугам, чтобы подали паланкин, я возвращаюсь.

Юн Шань вернулся во дворец наследного принца, и как только он вошёл в двери, Чан Дэфу сразу же поприветствовал Его Высочество.

— Ваше Высочество вернулся, — тактично сказал Чан Дэфу и добавил: — Его Высочество Юн Ци уже пообедал. Он сказал, чтобы подали шпинат без мяса, лишь полив его ароматным кунжутным маслом, и лучше всего, чтобы оно было хорошо очищенным.

— И где он сейчас?

— После обеда он отправился в комнату, чтобы немного отдохнуть.

Услышав, что Юн Ци спит, Юн Шань вспомнил, что во сне старший брат выглядит совершенно беззащитным и очень милым. После посещения императорской тюрьмы Юн Шань почувствовал на душе лёгкое облегчение. Помахав рукой, юноша приказал всем слугам удалиться, а сам медленно прошёл в комнату, где спал Юн Ци. Сначала юноша хотел заглянуть в окно, но неожиданно для Юн Шаня шторы в комнате оказались опущены.

Юн Шань тихо толкнул дверь и вошёл внутрь. Увидев в комнате двух проснувшихся в испуге и торопливо вскочивших придворных евнухов, Юн Шань махнул рукой, приказывая им уйти. Как только слуги покинули комнату, юноша тихо подошёл к кровати и опустился на её край.

Вероятно, он лишь хотел немного вздремнуть, поэтому не стал переодеваться.

Юн Ци не раздеваясь уснул, атласная ткань его платья из-за того, что была стиснута на постели, слегка смялась, но тем не менее выглядело это особенно очаровательно. Его глаза были закрыты, ресницы, следуя его тихому и ровному дыханию, слегка дрожали, а рядом с ним лежала книга.

Подняв её, Юн Шань увидел, что это была книга «Лао-цзы и Чжуан-цзы». Улыбнувшись, юноша положил её в сторону.

Он, с наслаждением поддавшись назад, облокотился спиной на колонну кровати и, охватив взглядом тонкий стан, поглядел на спящего Юн Ци.

Приятные солнечные лучи пробивались сквозь бамбуковую штору, что висела на окне, проникали в комнату, заливая тусклым светом и даря лёгкое чувство уюта. В полдень в комнате царила тишина. Все горести и беспокойства, что долгое время терзали ум Юн Шаня, внезапно исчезли, будто кто-то, взяв щётку, смахнул их, словно пыль, лишь оставив эту умиротворённую картину, что застыла в его глазах.

Лишь оставив Юн Ци и его.

Юн Шань почувствовал, как на душе стало спокойнее.

Юноша слышал собственное дыхание, тихое, спокойное, ровное, без повседневного напряжения и давления, словно в этот миг спал не только Юн Ци, но и он сам.

<http://bllate.org/book/13372/1189562>